

ЗАКРЕПОСТИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В НАЧАЛЕ 1590-х ГГ.

Статья посвящена дискуссионной проблеме закрепощения в России начала 1590-х гг. Исследование документов о возвращении прежним владельцам крестьян из города Ельца в 1592 г. убедило, что в южнорусских городах и уездах действовал режим, идентичный «заповедным годам». Нет следов применения новой системы закрепощения и в новгородских по происхождению документах 1594–1595 гг. Сравнение систем сыска беглых крестьян в 1580-х и 1590-х гг. показывает, что принципиальной разницы между ними не было, а значит, гипотезу об указе 1592 г., якобы запретившем выход крестьян в пределах всей страны следует считать недоказанной.

Ключевые слова: крестьяне, «Заповедные годы», беглые, указ, закон, помещики.

V. Arakcheyev

ENSLAVEMENT PROCEDURES IN THE RUSSIAN STATE OF THE EARLY 1590s

The paper is devoted to the disputable issue of enslavement in Russia of the early 1590s. The research of documents referring to eviction of peasants to their former owners in Yelets city of 1592 convinced of the fact that in southern Russian cities and districts (uyezds) the procedure, identical to the “forbidden years”, was at work. Likewise, there are no traces of a new enslavement system in Novgorod-based documents of 1594–1595. Comparison of search systems for runaway peasants in the 1580s and 1590s reveals no principal difference among them, which means that the hypothesis about the edict of 1592 allegedly prohibiting peasants’ release from the countrywide should be considered not evident enough.

Key words: peasants, “forbidden years”, fugitives, edict, law, landowners.

Вопрос о начальном этапе процесса закрепощения в России в исторической науке до настоящего времени не может считаться решенным. Основы понимания этого процесса были заложены еще В. Н. Татищевым, который ввел в научный оборот

тексты указа 1597 г. о пятилетних урочных летах и «уложения» 9 марта 1607 г. Большинство русских историков XIX в. считали, что именно в конце XVI в. были заложены основы крепостной зависимости крестьян. Однако В. О. Ключевский обра-

тил внимание на то, что все известные нам закрепостительные указы конца XVI — первой половины XVII в., включая Уложение 1649 г., не содержат формулировок, прямо запрещающих крестьянские переходы. Об этом недвусмысленно и ясно он писал в 1886 г.: «законодательство не устанавливало крепостного права на владельческих крестьян ни прямо, ни косвенно; оно не только не прикрепляло их к земле, но не отменяло и право выхода, т. е. не прикрепляло крестьян прямо и безусловно к самим владельцам» [8, с. 173].

В. И. Сергеевич, основываясь на данных указа 1597 г., утверждал, что Юрьев день был отменен в 1592 г. [18, с. 224]. После того, как в начале XX в. были введены в научный оборот акты с упоминаниями о заповедных годах, центр внимания исследователей оказался перенесен именно на эти источники [5, с. 128–140]. Б. Д. Греков считал, что указ 1597 г. был вызван усиленным бегством крестьян, порожденным законом о заповедных годах. В спорах историков о сущности первого указа Греков принял сторону тех, кто считал, что указ 1597 г. установил пятилетнюю исковую давность на будущее время [6, с. 872–874]. А. А. Новосельский, не вступая в полемику с Грековым, высказал суждение о том, что урочные годы были введены только правительством Романовых во втором десятилетии XVII в. [15, с. 178–183].

Выдающиеся архивные находки В. И. Корецкого послужили основой для созданной им концепции поэтапного закрепощения крестьян в результате введения заповедных лет, издания указа 1592 г., введения урочных лет для вывезенных (1594 г.) и беглых (1597 г.) крестьян [10, с. 140–153]. Концепция Корецкого была подвергнута жесткой и предметной критике сразу тремя крупными специалистами по социальной истории России XVI–XVII вв. В. М. Панеях отверг аргументы Корецкого в пользу реконструированного им указа 1592 г. о полном запрещении крестьянских переходов, склонившись к мнению об определя-

ющем значении заповедных лет [15, с. 160–163]. Г. Н. Анпилов, опубликовавший три новых грамоты с упоминанием заповедных лет и Елецкие акты 1592 г., также считал, что во всех материалах 1590-х гг., упоминавших царский указ о запрете выхода, имеются в виду заповедные годы [3, с. 161–171].

Р. Г. Скрынников создал противоречивую концепцию закрепощения, согласно которой к началу 1590-х гг. заповедные годы из временной меры стали превращаться в постоянную, но на многие районы страны, например южные уезды, не распространялись. Скрынников опроверг представление Корецкого о царском указе, воспретившем крестьянский выход и упразднившим Юрьев день, но он предположил, что во избежание конфликтов землевладельцев из-за крестьян с 1594 г. правительство начинает ограничивать давность исков о крестьянах пятилетним сроком. По его мнению, закрепостительные мероприятия 1590-х гг. завершились указом 1597 г., который «подтвердил предыдущие временные распоряжения впервые без ссылки на их временность и возможность их скорой отмены» [19, с. 99–129].

Поскольку настоящая статья является продолжением исследований автора, посвященных закрепощению в Русском государстве конца XVI в., резюмируем основные выводы наших опубликованных работ. Как мы попытались показать, режим «заповедных лет» применялся с 1581 до начала 1590-х годов на частновладельческих землях северо-запада, запада и севера России и предусматривал сыск и возвращение по суду крестьян, чье пребывание на тяглой земле было зафиксировано документально. От режима «заповедных лет» следует отличать практику сыска черносошных крестьян и посадских людей непосредственно писцами, осуществлявшуюся с 1585 г. и не предполагавшую судебного разбирательства [4, с. 39–69].

Одновременное применение двух указанных способов сыска тяглецов, покоившихся на различных принципах, порожда-

ло необходимость временно приостанавливать некоторые закрепостительные мероприятия в отдельных районах страны. Подобная коллизия привела к появлению известного разрешительного распоряжения Торопецкой уставной грамоты 1590/91 г.: «тяглецов..., которые у них с посаду разошлись, в заповедные лета вывозить на старинные их места...» [14, с. 147]. Смысл распоряжения, вопреки мнению большинства исследователей, состоял не в запрете выхода посадским людям, а в разрешении вывоза бывших посадских людей из вотчин и поместий, невзирая на существовавший там режим «заповедных лет».

В нашей статье, посвященной в значительной степени источниковедческим проблемам, не затрагивался вопрос о сущности режима урочных лет, который неотделим от вопроса о том, существовал ли гипотетически реконструированный Корецким указ 1592/93 г. об отмене Юрьева дня. В данной статье ставятся вопросы и предлагаются решения двух аспектов давно обсуждаемой научной проблемы: 1) каково взаимоотношение указов не позднее 1594 и 1597 гг. с указами о заповедных годах; 2) подтверждается ли находящимися в научном обороте данными факт существования гипотетически реконструируемого указа 1592/93 г.?

Заповедные годы упоминаются в источниках лишь в 1581–1592 гг., сменяясь впоследствии указами о пятилетнем сроке сыска беглых. В. И. Корецкий считал именно исчезновение упоминаний о заповедных годах важнейшим аргументом, подтверждающим точку зрения о существовании указа 1592/93 г. [10, с. 118–119, 128–129]. Грамота двинскому судейке от 14 апреля 1592 г. действительно содержит последнее по времени упоминание о заповедных годах. Но, как верно заметил Р. Г. Скрынников, объяснить исчезновение термина можно ликвидацией самой системы заповедных лет, переставшей соответствовать своим целям [20, с. 204]. Созданная для возвращения частновладельческих крестьян

в тягло система заповедных лет предполагала возврат беглых вне зависимости от сроков их бегства и времени пребывания на новом месте. Если крестьянин включался в тягло у нового землевладельца, срывать его с места для возвращения к прежнему помещику было крайне невыгодно для государства.

Значит ли это, однако, что в 1592/93 г. система заповедных лет была заменена полным запретом переходов и отменой Юрьева дня по царскому указу? Проанализируем основные документальные комплексы, которые привлекались исследователями для обоснования собственных концепций. Хронологически самыми близкими к предполагаемому времени издания указа являются хорошо известные в науке и недавно полностью изданные Елецкие акты 1592–1593 гг. [17]. Они дважды подвергались исследованию, но результаты этих изысканий были истолкованы по-разному и повлекли за собой противоположные выводы.

В. И. Корецкий пришел к выводу, что режим заповедных лет не распространялся на южные уезды государства и что там «помещики и крестьяне продолжали в какой-то мере руководствоваться ст. 88 Судебника 1550 г. о крестьянском отказе», а в 1592–1593 гг. правительство «распространило на юг действие указа о повсеместном запрещении крестьянского выхода» [11, с. 96–116]. Г. Н. Анпилов, наоборот, сделал вывод о том, что режим заповедных лет распространялся на тяглых крестьян южных уездов Русского государства, а осуществленную Корецким реконструкцию указа 1592–1593 гг. он признавал сомнительной [3, с. 164–165]. Р. Г. Скрынников также не признает возможности существования указа 1592–1593 гг., но считает, что на юге «правила Судебника о крестьянских переходах формально не были упразднены» [20, с. 200].

Проанализируем Елецкие акты на предмет отражения в них текущего государственного законодательства о тяглом насе-

лении. Точно датированные документы (значительная их часть датирована суммарно 1592/93 г.) относятся к периоду с 10 августа 1592 г. по 29 марта 1593 г. В 35 документах отразились сведения об отказе или побеге 69 крестьян, оформившихся на службу в Елец казаками, стрельцами или пушкарями. Очевидно, это были лишь те крестьяне, уход которых вызывал судебные иски, причем чаще всего по поводу оставленного имущества, семей или урожая. Как показал Корецкий, многие новоприбранные казаки, не удовлетворенные условиями службы, вновь уходили в тягло на посады или в захребетники. Еще до 23 июня 1592 г. шесть казаков с оружием и боеприпасами сбежали со службы и в момент подачи челобитной 1 сентября 1592 г. жили в деревнях пяти помещиков Тульского уезда [17, с. 57–59].

С какими правительственными мероприятиями возможно соотнести факты набора крестьян на службу и условия этого набора? В царских грамотах на Елец от 6 ноября и 31 декабря 1592 г. категорически предписывалось «прибирати иных стрельцов ис вольных людей, а не с пашен и не ис холопства по нашему указу» [17, с. 118, 172]. По ремаркам в других актах видно, что крестьяне уходили на службу или не с тяглых мест («прибирал на Елец в стрельцы сын от отца, брат от брата»), или оставляли вместо себя на тяглом месте других крестьян («в свое государь место яз на тягло посадил Лагутку Васильева сына Шубина») [17, с. 25, 30].

Существенной разницы между принципами передвижения крестьянского населения на северо-западе России в период действия там заповедных лет и в южных уездах не прослеживается. В льготной грамоте, выданной Духову монастырю на вотчины в Деревской и Обонежской пятинах 20 марта 1585 г., переходы крестьян не воспрещаются, но также обуславливаются участием в них нетяглых людей: «И называти ему на те пустые на льготные деревни крестьян нетяглых, з деревень от отцов — де-

тей, и от дядь — племянников, и от братии — братию. А с тяглых ему мест крестьян на те на льготные деревни не называти». В обыскных книгах Деревской пятины 1588 г. также подчеркивался факт выхода крестьян с тягла: «А вси, господине, те крестьяне из-за князя Богдана вышли в государевы заповедные годы с тяглые пашни» [2, с. 414, 416]. Таким образом, нет оснований считать, что в южных уездах России в 1592–1593 гг. не применялась практика, отождествляемая исследователями с режимом заповедных лет.

Второй комплекс актов, данные которого использовались Корецким для доказательства тезиса о закрепостительном указе 1592–1593 гг., относится к Новгородской земле. В июле 1595 — феврале 1596 г. в Новгородской приказной избе рассматривалось дело Пантелеймонова монастыря об обелении монастырской пашни. В 1588 г. монахи двух монастырей города Ям, оставшегося по Плюсскому перемирию в руках Швеции, были определены на жительство в древнем Пантелеймоновом монастыре под Новгородом, а в качестве вотчинных земель им были переданы «на льготу на 10 лет» запустевшие монастырские деревни в Петровском Рамушевском погосте Деревской пятины. Условием льготы было «оживление» запустевших обож путем «наведения» в пустые двory крестьян. В 1595 г., когда срок льготы уже подходил к концу, монахи вернулись в Ям, который был возвращен России по Тязвинскому мирному договору, не выполнив условия предоставления льготы.

Игумен Пантелеймонова монастыря Андреян был обеспокоен возможными санкциями за невыполнение этих условий, которые могли заключаться в том, чтобы «с тех пяти обож взятии за хоромное поставление по пяти рублей за двор, и государевы ямские и приметные деньги и всякие подати, и за посоху за прошлые годы, да и вперед на них с тех пяти обож государевы подати имати по книгам» [9, с. 313]. Поэтому он подал челобитную с просьбой

«обелить» — освободить от налогов — монастырскую запашку. Объясняя причины, по которым не удалось «оживить» запустевшие деревни, игумен и сослался на царский указ, воспретивший выход крестьянам и бобылям: «И нынеча деи их тем льготным пяти обжам срок находит, и им деи тех льготных пяти обеж крестьяны навести не мочно, потому что ныне по государеву указу крестьянам и бобылям выходу нет, а казны деи у них монастырской в том Пантелееве монастыре нет и подмоги давати крестьяном нечем, и государева деи годового хлебново и денежново жалованья в тот Пантелеев монастырь не идет ничего, и около деи того монастыря пашни и огородцу нет» [9, с. 313].

Корецкий осознавал, что упоминаемый в открытом им документе указ мог быть интерпретирован как «один из обычных указов о заповедных годах», и поэтому он привел два контраргумента. Во-первых, в акте речь идет о запрещении переходов бобылям, в то время как указы о заповедных годах «распространялись лишь на тяглые элементы сельского населения», и, во-вторых, «если в 80-х гг. можно было «называть» крестьян и бобылей и без предоставления им подмоги, то в 1595 г. этого уже нельзя было делать — хозяйственно самостоятельные крестьяне и бобыли правом выхода уже не пользовались» [10, с. 129]. Эти соображения Корецкого можно отвести путем критики их даже только методами формальной логики. В самом деле, как согласовать противоречащие друг другу утверждения, что указы о заповедных годах 1580-х гг. распространялись лишь на тяглые элементы сельского населения и что в это же время можно было перезывать крестьян без предоставления им подмоги? Из сохранившихся порядных грамот известно, что в подмоге не нуждались тяглые крестьяне, переход которых однако уже в 1580-х гг. был запрещен.

Факты, опровергающие построения Корецкого, содержатся и в самом тексте документов, ключевой фразой которых яв-

ляется оборот об отсутствии монастырской казны для предоставления подмоги выходцам. Значит, если бы монастырь располагал средствами, достаточными для предоставления выходцам ссуды, он бы заселил запустевшие обжи, а следовательно, переходы сельских жителей, не являющихся ответственными налогоплательщиками («от отцов — детей, от братьи — братьи»), были возможны и в 1590-х гг. Как явствует из опубликованного Корецким дела Новгородской приказной избы, подобные переходы были осуществлены в монастырских владениях накануне подачи иска старцем Андреяном. 12 декабря 1595 г. губной староста прислал дозорную книгу монастырских владений, из которой следует, что в 102 (1593/94) г. в деревню Липица, о запустении которой сетовал старец, пришли три крестьянина из Ладоги, Городенского погоста и Холмского уезда [9, с. 314]. Значит, условия переходов крестьян после 1592 г. никак не изменились в сторону их большего ужесточения.

Так как существенных отличий в практике крестьянских переходов в 1580-х и 1590-х гг. не наблюдается, наиболее экономным способом объяснения такого порядка вещей является признание того факта, что режим заповедных лет в 1590-х гг. превратился в устоявшийся порядок. Переход же с 1594 г. к ограничению сроков подачи исков о вывезенных крестьянах пятью годами привел к исчезновению термина «заповедные годы». Впрочем, само использование этого выражения в официальной документации sporadически продолжалось вплоть до 1608 г. Именно тогда в жалованной грамоте Василия Шуйского Казанскому Зилантову монастырю появилась цитата из жалованной грамоты тому же монастырю 1574 г.: «Которому крестьянину лучитца пойти за монастырь из-за кого-нибудь в выход в незаповедные лета, и с тех крестьян пошлин и пожилого имати с ворот с крестьянина по полтине да по два алтына». Однако в тексте грамоты 1574 г. фразы о «незаповедных летах» нет, а значит, она

была вставлена в 1608 г., дабы подчеркнуть различие между заповедными в прошлом и выходными годами [12, с. 14–15].

Вышеприведенные аргументы убеждают в том, что документальные данные, которыми Корецкий обосновывал свои соображения о возможности существования указа 1592 г., не могут быть использованы для характеристики поступательного процесса закрепощения, реконструировавшегося Корецким. Приглядимся к тем чертам, которые были выделены исследователем для характеристики возможного содержания указа. По мнению Корецкого, указ: 1) запрещал выход крестьянам и бобылям на всей территории Русского государства; 2) правовым основанием крепости стала считаться запись в правительственные книги; 3) указ провозгласил принцип обязательной регистрации крестьян в правительственных документах; 4) в отношении вывезенных крестьян был установлен 5-летний срок подачи исковых челобитных, а в отношении беглых сохранен бессрочный сыск [10, с. 145].

Однако все выделенные исследователем характерные черты гипотетического указа легко обнаруживаются в известных административных практиках конца XVI в. Судя по тому, что режим заповедных лет действовал в 1592–1593 гг. и в южных уездах государства (Елецкий, Тульский и другие уезды), с некоторой долей условности можно утверждать, что он охватывал всю ту часть территории России, где имелось постоянное сельское население и посады. При такой постановке вопроса отпадает необходимость относить действие режима заповедных лет к землям Предуралья, Нижней Волги и Северного Кавказа, где никаких условий и необходимости придерживаться подобной практики просто не существовало. Некоторое сомнение вызывает у нас упоминание бобылей в документах Пантелеймонова монастыря, поскольку о сыске этой категории населения в известных грамотах с упоминаниями заповедных лет не говорится. Однако, вполне возможно, сыск

бобылей предусматривался в указе, изданном ранее 5 июня 1594 г. о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных в крестьянском вывозе [7, с. 84]. Следовательно, первая из отмеченных Корецким черт гипотетически смоделированного указа была свойственна ранее и позднее существовавшей административной практике.

Запись в правительственные книги, которую Корецкий считал качественно новой чертой предполагаемого указа – очень позднее явление закрепостительной практики, сформировавшееся в полном объеме лишь в 1620-х гг. Однако, судя по тому, что запись в официальных кадастрах требовалась для доказательства владельческой принадлежности крестьян уже в 1580-х гг., новшеством для 1590-х этот порядок также не являлся, о чем писал еще Г. Н. Анпилов. Третья отмеченная Корецким черта для конца XVI в. анахронична, ибо, как отметил Анпилов, в «80-х гг. XVI в. регистрировались только главы крестьянских и бобыльских семей, принадлежавших помещикам и вотчинникам» [3, с. 165]. Вообще принцип регистрации всего мужского населения крестьянского двора утвердился лишь с момента переписи 1678 г.; даже в переписных книгах 1646 г., не говоря уже о писцовых книгах 1620-х гг. фиксировались лишь главы семейств, или иногда взрослые мужчины [13, с. 184–186].

Наконец, пятилетний срок сыска вывезенных крестьян был введен указом, изданным не позднее 5 июня 1594 г. Таким образом, содержание гипотетического указа 1592–1593 гг. В. И. Корецкий сконструировал из известных явлений закрепостительной практики в Русском государстве 1580-х и 1590-х гг. – заповедных и урочных лет. Если считать одним из основных требований, предъявляемых к методам моделирования в социальных науках экономность, т. е. использование меньшего количества допущений и реконструкций, то модель, созданная Корецким в 1960-х гг., не обладала качествами экономности. Для того, чтобы объяснить известные нам по

источникам изменения в положении тяглых людей, вполне достаточно известных нам по упоминаниям указов о заповедных летах и урочных годах 1594 и 1597 гг. Гипотетически реконструируемый указ 1592–1593 гг. в такой модели закрепощения является избыточным.

Итак, по нашему мнению, складывание системы закрепостительных мероприятий в отношении частновладельческих крестьян происходило путем утверждения практики заповедных лет. Принятый в этой системе способ сыска и возвращения беглых

был крайне громоздок и неудобен в применении, поскольку предполагал подачу судебного иска землевладельцев, «обыск» местного населения и саму судебную процедуру. Выполнение решений судов также было сопряжено с многими препятствиями, начиная от открытого сопротивления вывозимых и их соседей. Накопление судебных исков землевладельцев привело правительство к мысли ограничения срока сыска крестьян, которое было предпринято на северо-западе России в указе, изданном ранее 3 мая 1594 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб., 1841. – Т. 1.
2. *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. – М., 1967.
3. *Анпилогов Г. Н.* К вопросу о законе 1592–1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах // История СССР. – 1972. – № 5. – С. 161–171.
4. *Аракчеев В. А.* Из истории закрепощения в России: прикрепление к тяглу в конце XVI – начале XVII в. // Очерки феодальной России. – Вып. 5. – М., 2001. – С. 39–69.
5. *Аракчеев В. А.* «Заповедные годы» на Северо-Западе России историография, источники, методы исследования // Отечественная история. – 2004. – № 3. – С. 128–140.
6. *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. – М.; Л., 1946.
7. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. – Л., 1986.
8. *Ключевский В. О.* Собрание сочинений в девяти томах. – М., 1990. – Т. 8.
9. *Корецкий В. И.* Новгородские дела 90-х годов XVI в. со ссылками на неизвестные указы царя Федора Ивановича о крестьянах // Археографический ежегодник за 1966 год. – М., 1968. – С. 306–310.
10. *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. – М., 1970.
11. *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. – М., 1975.
12. *Кунцевич Г. З.* Грамоты Казанского Зилантова монастыря. – Казань, 1901.
13. *Маньков А. Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. – М.; Л., 1962.
14. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. – М., 1909.
15. *Новосельский А. А.* К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. – М., 1952.
16. *Панях В. М.* Закрепощение крестьян в XVI в.: Новые материалы, концепции, перспективы изучения // История СССР. – 1972. – № 1. – С. 160–163.
17. Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 гг. – Елец, 2001.
18. *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. – СПб., 1903. – Т. 1.
19. *Скрынников Р. Г.* Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича // История СССР. – 1973. – № 1. – С. 99–129.
20. *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. – Л., 1975.
21. *Шумаков С. А.* Новые губные и земские грамоты. // ЖМНП. – 1909. – Октябрь.